
ЕВРОПА: НОВЫЕ РЕАЛИИ

DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-12-16-26

ФРАГМЕНТАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ: ПРИЧИНЫ, СЦЕНАРИИ, СЛЕДСТВИЯ

© 2022 г. Б.И. Макаренко

МАКАРЕНКО Борис Игоревич, кандидат политических наук, профессор,
ORCID 0000-0002-0136-8785, bmakarenko@yandex.ru
НИУ «Высшая школа экономики», РФ, 101000 Москва, Большой Златоустинский пер., 8/7, офис 206.

Статья поступила 01.07.2022. После доработки 01.08.2022. Принята к печати 29.09.2022.

Аннотация. В статье анализируется процесс фрагментации партийных систем 25 стран – членов Европейского союза за последние три десятилетия. Разбираются причины такого тренда: появление новых значимых общественно-политических размежеваний, подъем популизма, волатильность партийных систем посткоммунистических стран. На основании анализа эффективного числа парламентских партий на всех общенациональных выборах с 1990 г. установлен рост этого показателя с 4.2 до 6.1. Выделены общие черты сценариев фрагментации для всех стран выборки, и разобраны особенности этого процесса в четырех подгруппах стран. В заключительном разделе разбираются последствия фрагментации партийных систем для европейской политики.

Ключевые слова: политические партии, партийные системы, выборы, популизм, посткоммунистические страны, Европейский союз.

FRAGMENTATION OF EUROPEAN PARTY SYSTEMS: PREREQUISITES, SCENARIOS, SEQUENCES

Boris I. MAKARENKO,
ORCID 0000-0002-0136-8785, bmakarenko@yandex.ru
National Research University Higher School of Economics, Office 206, 7/8, Bol'shoi Zlatoustinskii Per.,
Moscow, 101000, Russian Federation.

Received 01.07.2022. Revised 01.08.2022. Accepted 29.09.2022.

Abstract. The article explores the process of fragmentation of political party systems in 25 member countries of the European Union during the last three decades (since 1990s). The analysis starts with discussion on prerequisites of fragmentation through the theoretical lens of the works of S. Lipset/S. Rokkan and A. Lijphart. The main prerequisite is accretion of the system of cleavages in the societies in post-materialist age. Other – secondary – reasons include effects of proportional electoral systems, the rise of populism, volatility of party systems in post-communist countries. Further, the article presents the results of analysis of the Effective Number of Parliamentary Parties (ENPP) dynamics in all national elections since 1990; the average ENPP rose from 4.2 to 6.1. Though scenarios of the rise are similar in many respects (i.e., the simultaneous rise in the first elections after 2008–2009 economic crisis), certain distinctions can be found between “old” and “new” countries, systems of moderate and extreme pluralism. The concluding sub-chapter briefly discusses the “pros” and “cons” of party systems fragmentation for the European countries’ politics, which is considered irreversible because it is based on an accreted constellation of cleavages. On the one hand, more fragmented party systems provide for more nuanced representation of societal interests, and are, therefore, democratic and objective. On the other, it gives voice to illiberal populism and complicates the process of coalition building to form the executive; and, in addition, more plural executives tend to be volatile. Recent European political history presents plentiful examples of both. The ultimate challenge for European politicians is to learn to take advantage of the “pros” and tackle the “cons”.

Keywords: political parties, party systems, elections, populism, post-communist countries, European Union.

About author:

Boris I. MAKARENKO, Candidate of Political Science, Professor, President of Center for Political Technologies.

Исследования современных процессов в политических партиях стран Запада весьма многочисленны. Но в подавляющем большинстве из них предметом внимания ученых являются качественные характеристики процессов, тогда как “количественные” аспекты – число партий, реально участвующих в политической конкуренции, – в лучшем случае побочная тема. Настоящая статья ставит своей целью по крайней мере частично восполнить этот пробел.

Теоретическая основа знания о количестве партий в партийной системе, сохраняющая актуальность и поныне, – концепция значимых общественно-политических размежеваний С.М. Липсета и С. Роккана [1]. В не менее известной классической работе А. Лейпхарт [2] в последнем десятилетии прошлого века предложил экспертный расчет количества таких размежеваний для 36 существовавших на тот период демократических государств и применил формулу, впервые разрабо-

танную Р. Таагаперой и Б. Грофманом [3]. Согласно этой формуле, для обеспечения представительства партиями всех значимых для данной политики размежеваний их эффективное число должно быть на единицу больше числа таких размежеваний в этой политике. Отметим, что в этом показателе, также разработанном Р. Таагаперой совместно с М. Лааксо¹ [4], учитывается эффективное число именно парламентских партий (ЭЧПП), то есть завоевывающих места в парламентах, а потому играющих роль в политике своей страны. Эта логика согласуется с подходом, который лежит в основе различных, но схожих по концептуальным основаниям типологий партийных систем Дж. Сартори [5] и Ж. Блонделя [6].

Согласно расчету А. Лейпхарта в упомянутой работе, коэффициент корреляции между показателем ЭЧПП и числом значимых размежеваний в странах его выборки оказался очень высоким — 0.84 [2, pp. 87–88]. Спустя полтора десятилетия схожий расчет, но по иной выборке стран был повторен в исследовательском проекте НИУ ВШЭ по сравнительному анализу партийных систем. Для зрелых демократий (их в выборке было 14) показатель корреляции остался значимым, но снизился (0.68). Однако на подвыборке посткоммунистических государств эта формула не сработала: партийные системы переходного характера либо отличаются избыточной дробностью, не диктуемой объективными обстоятельствами, либо, напротив, подчинены доминированию одной партии, а потому не выражают плюрализма общественных интересов через политические партии [7, сс. 63–64].

По расчетам А. Лейпхарта, ЭЧПП в период после Второй мировой войны в большинстве стран было достаточно стабильным либо умеренноросло (обратная тенденция была редкостью) [2, pp. 74–77]. Однако начиная с последнего десятилетия прошлого века наметилась отчетливая тенденция к фрагментации европейских партийных систем. Этот феномен нуждается в описании и анализе причин, сценариев и следствий для партийных систем, шире — института представительства значимых общественных интересов.

УСЛОЖНЕНИЕ СИСТЕМЫ РАЗМЕЖЕВАНИЙ

Можно выделить одну главную причину фрагментации европейских партийных систем в последние десятилетия и несколько следствий из нее,

¹ Показатель рассчитывается по формуле $N_{LT} = 1 / \sum_{i=1}^n p_i^2$, где N_{LT} — показатель эффективного числа партий Лааксо–Таагаперы; p_i^2 — доля мест в парламенте партии i , возведенная в квадрат; n — общее число партий, участвующих в выборах или заседающих в парламенте.

которые можно рассматривать как отдельные, хотя и вторичные причины. Главная причина, разумеется, состоит в качественном усложнении системы значимых общественно-политических размежеваний.

Изменения, последовавшие в западных обществах в результате послевоенного экономического подъема и строительства государства всеобщего благосостояния (*welfare state*), породили реалии мира, который стали называть “постиндустриальным” или “постматериалистическим”. К традиционной политической повестке добавились темы, раскалывающие общества по новым — причем множественным — основаниям. На более раннем этапе (в 1970–1990-е годы) политическая повестка расширялась под влиянием “бенефициаров” волны экономических успехов послевоенных десятилетий — городского среднего класса: чистая окружающая среда, безопасное использование атомной энергии, продвинутая культура, равный статус женщин и меньшинств и расширившиеся нормы морали, в особенности в сфере семейных и сексуальных отношений.

Традиционные размежевания, на которых строились идеологии политических партий, постепенно теряли свое значение: на этом рубеже исследователям казалось, что партии утрачивают свою роль. Как отмечалось в классической работе “Кризис демократии”, “переход к постиндустриальной фазе развития, таким образом, означает конец привычной партийной системы и угрозу самому институту политического участия” [8, p. 91].

В более позднюю эпоху — с начала XXI в. — рост доходов населения (в том числе среднего класса) в развитых странах Запада существенно замедлился, позже последовал глобальный экономический кризис 2008–2009 гг., а в последующие годы Европа пережила мощный поток иммиграции из Третьего мира (его пик пришелся на 2015–2016 гг.). Под влиянием этих процессов политическая повестка расширялась за счет тревог и страхов “проигравших” или “боящихся проиграть” в условиях глобализации консервативных слоев нижнего среднего класса, “синих воротничков”, терявших рабочие места.

Эти перемены не отменили “старые” размежевания, хотя их острота либо практически совсем ушла в историю (как, например, религиозно-светского или противостояния города и деревни), либо существенно смягчилась, как произошло с главным размежеванием на протяжении большей части XX в. — социально-экономическим. Из почти экзистенциального классового конфликта между трудом и капиталом оно превратилось в перманентный торг между “правыми” и “левыми” за перераспределение ресурсов. Новые размежевания наслоились на старые, то есть произошло их ус-

ложнение (accretion) – по формулировке авторитетного исследования новых размежеваний [9, р. 30]. Сами по себе новые размежевания многочисленны. Только из наиболее значимых отметим экологическое, “транснациональное”, которое “пакует” противоречия по поводу глобализации и евроинтеграции, и примыкающий к ним, но все же особый блок проблем, связанных с притоком иммигрантов. Здесь переплелись и угрозы традиционной идентичности европейских стран, и страхи, что иммигранты станут конкурентами за рабочие места и социальные блага.

Попытки систематизации новой системы размежеваний – с целью анализа их воздействия на эволюцию партийных систем – предпринимались многократно. Г. Китчелт предложил ввести двухуровневую систему: фундаментальных “размежеваний” (*cleavages*) и ситуативных расколов (*divides*) и степени их значимости для межпартийной конкуренции: низкой – для идеологических противостояний в общественном сознании, средней – для устойчивых партийных противостояний и высокой – для соображений конкуренции в конкретной политической ситуации [10, р. 532]. По сути, это попытка инструментализировать то, что в более ранних подходах определялось экспертным путем: степень значимости того или иного размежевания для конкуренции в общественно-политическом поле и, следовательно, для выборов с участием того или иного числа партий.

Однако нас интересует в первую очередь не классификация новых размежеваний, а их влияние на количественное измерение партийных систем. Логика теории Липсета и Роккана подразумевает, что с возникновением нового размежевания – с определенным лагом (в поколение, как указывают эти авторы [1]) должна появиться и новая партия, для которой это размежевание будет приоритетом политической повестки. На самом деле, процесс этот сложен. С одной стороны, выход новой партии на арену политической конкуренции обставлен барьерами – как институциональными (избирательная система, в большинстве случаев ставящая “порог вхождения” в парламент, в европейских условиях – в диапазоне 3–5% голосов), так и политическими: у партий-инкубентов высокая узнаваемость, наличие устойчивых электоральных ядер, партийных организаций и ресурсов. С другой стороны, “старые” партии в силу “программной инерции” (страха потерять избирателя, привыкшего к их программам), обязательств, порожденных деятельностью в правительствах и парламентах, в немалой степени ригидны [11, р. 20], с трудом воспринимают не стыкующиеся с их программными идеями. Проблема в каждом конкретном случае решается своеобразной “игрой спроса и предложения” [10, р. 539; 12]. Так, если новая проблема

приобретает важное значение для существенной части электората (“спрос”), а имеющиеся партии не хотят или не могут на этот запрос отреагировать в своей программе, то открывается ниша для новой партии (“предложение”).

ЭФФЕКТ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ

Еще один фактор центростремительных тенденций (скорее статистический, чем содержательный) состоит в том, что новые демократизирующиеся государства в большинстве случаев принимают пропорциональную или смешанную избирательную систему. Это общий тренд для современных переходов к демократии или, по крайней мере, конкурентным выборам [13, pp. 394–397], проявился он и на посткоммунистическом пространстве (исключение – Беларусь и некоторые центрально-азиатские страны). Пропорциональные системы вошли в употребление лишь в XX в., впервые – в 1899 г. в Бельгии [14, р. 66] и постепенно получали признание как более точно отражающие весь спектр существующих в обществе мнений через систему представительства партий в парламентах.

Пропорциональная избирательная система – с умеренным отсекающим барьером – позволяет партии, заручившейся поддержкой нескольких процентов активного электората, получить представительство в парламенте, а при благоприятных условиях – претендовать на место в правящей коалиции. Отметим, что в последние десятилетия фактически многопартийной стала даже мажоритарная однотуровая избирательная система Великобритании: процесс деволюции, давший автономии Шотландии, Северной Ирландии и Уэльсу, привел к появлению в Палате общин сегментарных партий этих территорий. Сохранила многопартийность и французская партийная система: в первом туре избиратели голосуют по своим идеологическим предпочтениям за множественные партии, во втором – “стратегически” за проходного кандидата.

Можно заключить, что в современных условиях пропорциональные (и смешанные) избирательные системы подавляющего большинства европейских стран институционально благоприятствуют фрагментации партийных систем, а немногочисленные мажоритарные – не препятствуют ей.

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ: ДРОБНОСТЬ И ВОЛАТИЛЬНОСТЬ

В посткоммунистических государствах с начала 1990-х годов существуют политическая конкуренция и многопартийные системы. Модель их формирования на основе общественно-полити-

ческих размежеваний в новых системах не работала: на протяжении десятилетий коммунистического режима никакие объективно существующие в обществе размежевания не могли проявлять себя в легальной публичной политике, многопартийность пришла раньше, чем в обществе смогли сложиться сколь-либо устойчивые группы интересов. Если вернуться к аллюзии становления партийных систем как баланса спроса и предложения, то классическая партийная система — это “рынок покупателя”: общественные интересы предъявляют спрос на свое выражение, а политики конкурируют за поддержку своего “предложения” массами избирателей. При неразмежеванном общественно-политическом пространстве конкуренция рождается как “рынок продавца”: те политические силы, которые заявляют о себе наиболее громко и убедительно, получают максимальную электоральную поддержку. К тому же в первое десятилетие в этих странах действовало специфическое размежевание — по отношению к прежнему коммунистическому режиму, разделявшее старую и новую элиты [7, сс. 108-110]. Ныне рудименты этого размежевания можно найти в Латвии, Литве, в меньшей степени — в странах “Вишеградской четверки”. В целом ряде посткоммунистических стран (Румынии, Болгарии, Северной Македонии, Словакии) возникли сегментарные партии этнических меньшинств.

Очевидно, что такая ситуация чревата сильной волатильностью в партийных системах. В 1990-е годы казалось, что избыточная многопартийность первых электоральных циклов сменится рациональной, в которой выделятся крупные партии. Исследователь посткоммунистических партийных систем Г. Китчельт особо отмечал в качестве таковых “программные” (с некоторым допущением — привычные для “старой” Европы право- и левоцентристы), “харизматические” (лидерские) и “клиентелистские”, прогнозируя, что первые из них станут крупными ядрами будущей партийной системы [12]. Однако по причинам, анализ которых выходит за пределы предмета данной статьи, программистские партии не стали доминирующими почти нигде, партийное пространство заполняется лидерскими, клиентелистскими и популистскими партиями, и сохраняется высокая волатильность. Все эти особенности политического развития стимулировали фрагментацию партийных систем.

АНТИМОНОПОЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ

Данное название подсказано термином “картельные партии”, введенным еще в 1960-е годы О. Киршхаймером [15, pp. 177-200] для описания процесса “сращивания” партий с государственным аппаратом и отрыва от избирателя. Один из главных посылов этой концепции: крупные партии

в западных странах сменяют друг друга “у кормила власти”, возглавляя правительства (сами по себе или в коалиции с младшими партнерами) и мало заботясь о чаяниях своего электората. Часто утверждается, что избиратели “наказывают” правящие партии за неудачный социально-экономический курс. Правда, как показывают исследования, при относительно стабильной социально-экономической ситуации корреляция между социально-экономическими показателями и голосованием против правящей партии проявляется слабо [16, pp. 147-172]. Однако масштабный экономический кризис 2008–2009 гг. и пик иммиграции в Европу в 2015–2016 гг. вызвали бурную антивластную реакцию европейских избирателей. На первых после кризиса выборах из 25 стран выборки описанного ниже эмпирического исследования в 21 правящая партия потерпела поражение. Важно, что так избиратель “наказывал” и лево-, и правоцентристские партии: в интегрированной Европе национальные правительства лишь в ограниченной степени варьируют свой социально-экономический курс, а потому избиратель счел “виновной” любую правящую партию.

Европейский избиратель XXI в., с одной стороны, имеет больше претензий к государству в связи со стагнацией экономики, доходов, кризисом социального государства. С другой стороны, он гораздо больше вовлечен в информационно-коммуникационное пространство благодаря интернету и социальным сетям, а потому более решителен в своих электоральных действиях, направляя их против того, в ком видит виновника своих неудач, — а это крупные центристские партии, формирующие правительства.

На последних (на сегодняшний день) выборах в Европарламент в 2019 г. представительство двух крупнейших европейских партий — народной (христианские демократы) и социал-демократов — сократилось на 5 и 4 процентных пункта соответственно [17 p. 23]. Их потеснили новые политические силы, тем самым фрагментировав партийные системы во многих странах.

ДОБАВЛЕНИЕ ПОПУЛИСТСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ

Из всех “новых игроков” в партийных системах наибольшее внимание исследователей привлекают популистские партии и движения. Популизм, по наиболее известному определению К. Мудде, есть «идеология, считающая общество непреодолимо разделенным на две гомогенные и антагонистические группы, “хороший народ” и “коррупцированную элиту”» [18, p. 543]. Однако в той же работе Мудде уточняет, что идеология эта “тонкая” (*thin*), нуждающаяся в каждом конкретном случае

в симбиозе с “материнской” (*host*) идеологией. Более корректным представляется определение популизма как “качественной характеристики политических доктрин, партий и движений, для которых противопоставление элит и масс является центральным или одним из важнейших пунктов повестки дня” [19, р. 8]. “Смычка” популистского посыла с “материнскими идеологиями” принимает своеобразные формы. Как показывают исследования, на левом фланге отличительной чертой популистских партий является акцентирование классового конфликта (что для левоцентристского мейнстрима давно стало архаичным), а на правом – крайний нативизм, вплоть до ксенофобии [20, 21]. Существование и популистские партии, которые по традиционной “лево-правой шкале” классифицировать невозможно: это не “центристский” популизм – таковой по упомянутой шкале оказался бы в центре, а “поливалентный” (*valence*), который фактически не имеет содержательной социально-экономической программы, а обращается к избирателю с “поливалентными темами” (борьба с коррупцией, эффективность госуправления и т. п.) [22] либо следует за харизматической фигурой партийного лидера (Б. Грилло в итальянском “Движении 5 звезд”, А. Бабиш в чешской АНО²).

С точки зрения фрагментации партийных систем влияние популизма выражается в том, что он создает как бы “параллельный спектр” иных политических сил, дублирующий привычный мейнстрим. Популистские партии вступают в конкуренцию с мейнстримом с позиций, заведомо антагонистических, остро полемических, апеллируя к слоям электората, разочарованным неспособностью мейнстрима дать ответ на вопросы, значимость которых на подъеме (экономический кризис и его последствия, приток мигрантов и т. п.) [10, р. 539; 23, pp. 347-60]. Они “оседлывают новую волну гнева, с которой либеральные демократии не сталкивались уже полвека” [24]. Если на рубеже столетия популистские партии имели парламентское представительство в 7 европейских странах – в среднем на уровне 8%, то к 2018 г. (пик влияния популизма в Европе) – уже в 15, со средней долей в 26% мандатов [25].

Отметим еще одну черту популистских партий, стимулирующую фрагментацию партийных систем, – нестабильность их результатов. Добившись успеха на выборах (вплоть до вхождения в правящую коалицию, обычно в роли младшего партнера, но иногда и возглавляя ее), популисты оказываются неспособными реализовать свои предвыборные обещания, построенные на радикальном оппонировании истеблишменту [26, pp. 15-16], поскольку реальной программной альтернативы этому ис-

теблишменту не имеют. Одно из следствий этого явления – “удвоение популизмов” в партийной системе, причем в причудливых конфигурациях. В ряде стран конкурируют левые и правые популистские партии, например, в Испании – “Подemos” и “Вокс”, во Франции – “Непокоренная Франция” и “Национальное объединение” (их кандидаты заняли соответственно 3-е и 2-е места в первом туре президентских выборов 2022 г.), в Греции – СИРИЗА и “Золотая заря” (ныне запрещенная решением суда). В других странах левый популизм отсутствует как значимая политическая сила, а правый популизм конкурирует либо “сам с собой” (то есть существуют, как минимум, две правопопулистские партии, например, “Партия свободы” и “Форум за демократию” в Нидерландах, “Фидес” и “Йоббик” в Венгрии), либо с “поливалентным” популизмом – “Лига” с “Движением 5 звезд” в Италии, “Свобода и прямая демократия” с “Акцией недовольных граждан – АНО 2011” в Чешской Республике.

Подчеркнем, что мы рассматриваем подъем популизма как одно из следствий усложнения системы общественно-политических размежеваний, но такое, которое оказало максимальное воздействие на фрагментацию европейских партийных систем в последние десятилетия.

СЦЕНАРИИ ФРАГМЕНТАЦИИ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ

Для выявления сценариев фрагментации нами было рассчитано эффективное число парламентских партий в 25 странах – членах Европейского союза по итогам всех общенациональных парламентских выборов с 1990 по 2021 г.³ Общие результаты наших расчетов представлены в таблице и на рисунке ниже.

Как показали расчеты, средний показатель ЭЧПП по всем странам выборки за этот период вырос почти на 2 ед.: с 4.2 до 6.1 – это весьма существенный рост. В логике теории А. Лейпхарта, это закономерное явление: если система размежеваний усложняется, дополняется новыми элементами, рост ЭЧПП на 1–2 ед. скорее ожидаем. Отметим две особенности этого процесса, характерные для практически всей выборки. Во-первых, фрагментирующая тенденция проявилась в абсолютном большинстве из 25 рассмотренных стран и в трех из четырех описанных ниже подвыборок практически в равных пропорциях, примерно в полтора раза. Во-вторых, можно выделить три реперные точки, когда средний по Европе пока-

³ Данные рассчитывались на основании базы данных *Marpor. Project Manifesto*. Available at: <https://manifesto-project.wzb.eu/> (accessed 12.06.2022). Показатель рассчитан по числу мандатов в парламенте.

² АНО – Акция недовольных граждан.

Таблица. Динамика эффективного числа парламентских партий в 1990–2021 гг.¹

	“Старая” Европа, умеренный плюрализм	“Старая” Европа, крайний плюрализм	Посткоммунистическая Европа, умеренный плюрализм	Посткоммунистическая Европа, крайний плюрализм	Вся Европа
1990	3.30	4.48	4.67	5.08	4.24
1991	3.23	5.63	7.40	5.21	5.06
1992	3.27	5.97	8.78	5.67	5.64
1993	3.19	6.37	7.92	5.78	5.57
1994	3.29	6.68	7.58	5.92	5.61
1995	3.27	6.58	6.88	6.52	5.58
1996	3.31	6.62	6.42	6.63	5.54
1997	3.34	6.60	5.08	6.48	5.24
1998	3.36	6.52	4.72	5.92	5.05
1999	3.40	6.63	4.90	5.92	5.13
2000	3.30	6.63	4.96	5.28	4.96
2001	3.31	6.50	4.96	5.45	4.97
2002	3.19	6.38	4.68	6.07	5.00
2003	3.19	5.97	4.64	6.07	4.89
2004	3.19	5.97	4.64	5.97	4.87
2005	3.34	6.03	4.90	6.00	4.99
2006	3.44	5.63	4.60	5.63	4.78
2007	3.44	5.80	3.78	5.63	4.65
2008	3.57	5.92	3.78	6.08	4.82
2009	3.83	5.92	3.78	6.12	4.90
2010	3.84	6.12	4.30	5.57	4.93
2011	3.96	6.25	4.36	5.80	5.06
2012	3.97	6.23	4.36	4.95	4.86
2013	3.91	6.48	4.52	5.13	4.98
2014	3.91	6.98	4.82	5.23	5.21
2015	4.19	7.02	5.06	5.23	5.34
2016	4.33	7.02	5.02	5.83	5.52
2017	4.20	7.72	4.88	5.70	5.59
2018	4.20	7.70	4.86	6.67	5.82
2019	4.69	8.12	4.54	6.67	6.00
2020	4.63	8.12	4.61	7.17	6.12
2021	4.73	8.23	4.27	7.36	6.15

Примечание. Показатели в абсолютных числах, рассчитаны по приведенной выше формуле.

Составлено автором.

затель демонстрировал тенденцию к повышению (как показано на рисунке). Первая из них — начало 1990-х годов, скачкообразная по характеру — объясняется распространением конкурентных выборов на посткоммунистические страны. В первых циклах выборов участвовало большое число партий, и многие из них проходили в парламент, получая малое число мандатов, — так проявлялась “цивилизационная некомпетентность” [10] и партийных деятелей, и избирателей, только осваивающих представления о рациональном представительстве общественных интересов в парламентах. Впрочем, в этот же период началась фрагментация партийных систем и в некоторых странах “старой” Европы. Вторая реперная точка — первые выборы

после экономического кризиса 2008–2009 гг., на которых избиратель почти повсеместно “наказал” правящие партии. Именно тогда начали более активно фрагментироваться партийные системы как в “старой”, так и в посткоммунистической Европе, стали набирать силу популистские партии разной направленности. Третья точка по сути продолжила вторую — это выборы после “миграционного цунами” 2015–2016 гг. В этом случае речь идет не о “скачке”, а о монотонной повышательной тенденции по всем четырем подвыборкам. Если в период 1990–2007 гг. средний показатель ЭЧПП по 25 странам вырос всего на 0.5, то с 2008 по 2021 г. он прибавил еще 1.4 пункта, то есть прирост ускорился практически втрое.

Рис. Динамика эффективного числа парламентских партий, 1990–2021 гг.

Составлено автором.

Для более детального анализа вся выборка была разбита на четыре группы. Для “старой” Европы (14 стран) критерием разбивки послужила граница между партийными системами, которые в классификации Дж. Сартори отнесены к умеренному (не более пяти партий) и крайнему (выше пяти) типам плюрализма – по среднеарифметическому показателю ЭЧПП за весь период (3.7 и 6.5 соответственно). Это достаточно четкий и обоснованный критерий, и по нему сформированы подвыборки из восьми и шести стран.

Разбивка на две группы 11 посткоммунистических стран следовала несколько иной логике. Во многих из них за три десятилетия центробежные тренды в развитии партийных систем чередовались с центростремительными. Поэтому в качестве критерия был избран показатель ЭЧПП, близкий к 5⁴ (или ниже) на завершающей точке рассматриваемого периода. Это позволило разделить страны, в которых по итогам 30-летнего развития сложились партийные системы умеренного и крайнего плюрализма.

В странах “старой” Европы с умеренным плюрализмом фрагментация партийной системы носила плавный характер. Среднее значение ЭЧПП выросло за три десятилетия с 3.2 до 4.7, пять из восьми стран сохранили к 2021 г. этот показатель на уровне ниже 5, то есть остались системами умеренного плюрализма. Наиболее стабильной оказалась партийная система Великобритании (хотя и стала трехпартийной) – мажоритарная однотуровневая система выборов сохраняет роль некоторого институционального ограничителя для фрагментации. Плавный и умеренный рост продемонстрировали партийные системы Греции, Португалии,

⁴ В двух из пяти стран подвыборки систем умеренного плюрализма показатель ЭЧПП чуть выше 5.

Испании, Австрии и Швеции. И это при том, что в греческой партийной системе произошли драматические изменения, и случился один из всего двух во всей выборке казус смены ведущей левоцентристской партии – с истеблишментной социал-демократической ПАСОК на левопопулистскую СИРИЗУ. С 2015 г. новые популистские партии серьезно потеснили и партийный истеблишмент в Испании (где до этого наблюдался слабый тренд к снижению ЭЧПП). Лишь в двух странах фрагментация партийных систем носила более выраженный характер. В Германии ЭЧПП за 30 лет вырос с 3.2 до 5.8. Некогда “двух-с-половиной-партийная” (по типологии Блонделя) система последовательно фрагментировалась за счет появления в Бундестаге “Зеленых” (первый случай в Европе), затем – партии, образованной отколовшимся от социал-демократов левым крылом в союзе с наследницей правящей партии бывшей ГДР (ныне – “Левые”), а еще позднее – правопопулистской “Альтернативой для Германии”. В Ирландии фрагментация в основном объясняется упадком лейбористской партии, часть голосов которой распределилась между несколькими мелкими партийными образованиями.

В странах “старой” Европы с системами крайнего плюрализма среднее значение ЭЧПП выросло с 5.6 до 8.2. При этом отметим, что “на старте”, в начале 1990-х годов, лишь две партийные системы (Бельгии и Финляндии) попадали в данную категорию. В большинстве стран этой группы основной “скачок” пришелся на последние пять-семь лет, то есть можно предполагать, что его причиной стал рост популизма разного толка под влиянием скачкообразного увеличения иммиграции. В Дании, Финляндии и Нидерландах этот процесс носил достаточно плавный характер от выборов к выборам.

Во Франции фрагментация партийной системы произошла еще в 1990-е годы, затем на протяжении 16 первых лет нынешнего столетия происходила ее дефрагментация (показатель ЭЧПП снижался). С этого времени сравнились сроки полномочий всенародно избираемого президента и парламента, выборы этих институтов стали проходить последовательно с интервалом в пару месяцев, что, очевидно, стимулировало укрупнение партий. Однако цикл выборов 2017 г. привел к обрушению партийной системы после того, как кандидаты в президенты от двух крупнейших партий — правоцентристской “Республиканцы” и левоцентристской Социалистической партии потерпели сокрушительное поражение, и буквально по ходу сдвоенной кампании возникли партии победителя президентских выборов Э. Макрона и нового лидера на левом фланге — “Непокоренная Франция” Ж.-Л. Меланшона [27]; следствием стал резкий скачок до уровня 6.9. В двух партийных системах показатели ЭЧПП необходимо воспринимать с пониманием их уникальной специфики.

В Бельгии — за единственным исключением — все основные политические партии представлены отдельными организациями во Фландрии и Валлонии. Таким образом, фактически система “удвоенна”, что и объясняет большое число партий. В Италии, имеющей весьма дробную партийную систему, на выборах разные политические силы объединяются в коалиции, при этом некоторые партии участвуют в выборах вне коалиций. Однако несомненно, что и Бельгия, и Италия тяготеют к типу крайнего плюрализма.

Во всех посткоммунистических странах выборки прослеживается общая тенденция: после первых выборов с участием большого числа партий с середины 1990-х годов показатель ЭЧПП в большинстве стран постепенно снижался — обреталась “цивилизационная компетентность” [10]. Но со второго десятилетия нынешнего века он стал расти: в странах, которые ныне находятся в зоне крайнего плюрализма, — весьма резко, а в умеренных странах наблюдались две разные тенденции.

В подвыборке стран умеренного плюрализма — единственной из четырех рассмотренных — показатель ЭЧПП за изучаемый период снизился с 4.67 до 4.27. Произошло это благодаря становлению в двух из пяти стран режимов, в которых одна партия имеет абсолютное большинство мест в парламенте (что автоматически снижает показатель ЭЧПП). Венгерская “Фидес” в полной мере отвечает понятию доминантной партии: на четырех подряд выборах с 2010 г. получила стабильно 67–68% мандатов. Польская “Право и справедливость” таким доминированием не располагает, но с 2015 г. имеет 51%

мандатов в Сейме (и президентом страны также является ее представитель). В обеих этих странах за три десятилетия наблюдалась тенденция к снижению фрагментированности партийных систем — это два исключения во всей выборке как “старой”, так и “новой” Европы, обусловленные подъемом правого и выражено евроскептического и консервативного популизма.

В странах этой подвыборки на уровне тенденции можно говорить о плавном снижении фрагментированности партийных систем после “всплесков многопартийности” в 1990-е годы. В Эстонии с 2003 г. показатель ЭЧПП колеблется вокруг отметки в пять партий. В Хорватии показатель ЭЧПП плавно повышался на протяжении первых 17 лет посткоммунистического развития, но затем снизился и с 2007 г. колеблется в узком диапазоне от 4 до 4.64. Иным путем эволюционировала чешская партийная система. Со второй половины 1990-х годов и вплоть до экономического кризиса (выборов 2010 г.) происходило ее укрупнение, но затем — с обрушением, казалось бы, прочных право- и левоцентристского “ядер” она фрагментировалась, и три избирательных цикла подряд показатель ЭЧПП колебался в диапазоне 6.9–7.7, и лишь после выборов 2021 г. вернулся к более умеренному показателю — 5.2.

В группе посткоммунистических партийных систем крайнего плюрализма прирост фрагментированности также оказался значительным: с 5.08 до 7.36. За единственным исключением (Болгария) во всех этих странах ЭЧПП превышал отметку 5 не позднее чем со второго цикла конкурентных выборов. Многим из этих стран присуща нестабильность кабинетов и правящих коалиций, причем, как правило, после досрочных выборов, спровоцированных такой нестабильностью, ЭЧПП оказывался выше, чем до них. Именно затяжная нестабильность правительств вызвала после 2013 г. фрагментацию болгарской политической системы. Всем этим странам присущи более резкие перепады в ЭЧПП, однако есть общая закономерность: резкий скачок фрагментированности происходит практически синхронно на выборах после 2016 г. Для выявления причин такого явления потребовались бы отдельные страновые исследования. Очевидно одна из них — “мода на популизм”, охватившая в эти годы практически весь Европейский континент. До этого крайний плюрализм был присущ лишь Литве и Латвии, где в политике помимо стандартного набора размежеваний присутствовали и специфические — связанные с этнической многосоставностью и расколом по отношению к советскому прошлому. А в Румынии, Словакии и Словении, напротив, показатель ЭЧПП плавно снижался.

ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

Итак, фрагментация партийных систем европейских стран действительно имела место и особенно в последние полтора десятилетия. Если на старте изучаемого временного интервала из 25 стран выборки системы крайнего плюрализма существовали лишь в 5 странах (из которых 3 – посткоммунистические на начальном этапе формирования партийных систем), то теперь таковых 17 – более двух третей (правда, в 5 из них ЭЧПП – в интервале от 5 до 6, то есть это некая промежуточная зона). Насколько же значимым и масштабным представляется данный процесс?

Если обратиться к анализу канадского политолога А. Сиароффа [28], то из 36 рассмотренных им европейских стран лишь в 2 – Бельгии и Чешской Республике (обе системы крайнего плюрализма) нет ни одной крупной партии (каковая определяется как партия, получавшая более 15% голосов на двух предыдущих парламентских выборах). Еще в 11 есть только одна такая партия, причем 7 из этих стран – посткоммунистические, что подтверждает наше утверждение о том, что такие партийные системы в большей степени фрагментированы. В пяти странах (все – в “старой” Европе) таких партий по три. Однако наиболее распространенным является вариант с двумя крупными партиями – таких стран 18, ровно половина рассмотренной исследователем выборки. Большинство этих крупных партий принадлежит к традиционным “партийным семействам” – левоцентристские социал-демократы (такие партии относятся к крупным в 17 странах), христианские демократы или консерваторы (в 15) и правые либералы (в 9 странах). Это наблюдение позволяет утверждать: сущность межпартийной конкуренции, сложившейся после Второй мировой войны, не изменилась. В ее основе в большинстве стран – тот же “широкий центр”, то есть соревнование между умеренными политическими силами, придерживающимися принципов либерально-демократического устройства государства.

Изменились не ключевые, но весьма важные параметры этой конкуренции. Во-первых, в ряде стран такого “широкого центра” все же нет. Это характерно для многих посткоммунистических государств, где партийное поле либо сильно фрагментировано, либо, напротив, обозначилась одна преобладающая партия: доминирующая в Венгрии, имеющая абсолютное большинство – в Польше.

Во-вторых, если “широкий центр” и сохраняется, он уже не доминирует абсолютно. Входящие в него партии конкурируют не только между собой, но и с “соседями” по своим идейно-политическим нишам; таковые присутствовали на политической

арене и раньше, но редко вмешивались в спор между крупными партиями. Наиболее типичны два вида таких конкурентов: более радикальные по своим программам (как правило, социально-экономическим – на левом фланге, “культурным” – на правом), а также популистские, которые отличаются от мейнстримных партий акцентированием непримиримого противостояния “хорошего народа” и “плохой элиты”. Разумеется, в каждой стране конфигурация таких противостояний складывается по-своему, но в целом имеет более сложный и многовекторный характер, чем в прошлые десятилетия.

Последствия фрагментации партийных систем неоднозначны. В первую очередь необходимо отметить, что этот процесс носит объективный характер: он обусловлен усложнением системы значимых общественно-политических размежеваний и изменением характера и интенсивности общественного запроса к политикам. Расширение спектра представленных в парламентах партий – явление, по сути, демократическое: на выборы приходят и получают своих представителей во власти новые группы избирателей, система представительства становится более нюансированной. Обратная сторона этого процесса – усиление деструктивных и антилиберальных трендов, привносимых популистами и более радикальными левыми силами, которые ставят под сомнение краеугольные концепции разделения властей, важности политических властных институтов, верховенства права, на что политический истеблишмент не может не реагировать. Как отмечал авторитетный исследователь этого феномена, в будущем “мир встанет перед трагическим выбором между нелиберальной демократией – демократией без прав и недемократическим либерализмом – правами без демократии” [24]. Скорее всего, такая постановка вопроса слишком полемически заострена. Хотя политическое и парламентское поведение новых партий нуждается в отдельном анализе, на уровне тенденции несомненно, что стремление закрепить свой успех и расширить электоральную базу стимулирует популистские партии к умерению своего радикализма. Уверенно о такой эволюции можно говорить применительно к столь разным партиям, как французская “Национальное движение” М. Ле Пен, испанская “Подemos”, греческая СИРИЗА, венгерская “Йоббик”, датская “Народная партия”.

Еще одно негативное последствие фрагментации партийных систем – затруднение формирования коалиционных правительств в парламентских и премьер-президентских системах и повышенный риск распада правящих коалиций в межвыборный период. Первая причина этих явлений – “статистическая”: если партий в парламенте больше, их фракции (включая и фракции крупнейших партий, потенциальных старших партнеров коалиции) мельче,

а потому правительственные коалиции становятся более многосоставными и выход из нее даже небольшой по представительству партии чреват падением кабинета. Вторая причина – политическая. Среди малых партий в парламенте почти неизбежно оказываются популистские. А таковые либо не рассматриваются “истеблишментными” партиями как возможные партнеры в силу антагонизма политических позиций, и тогда круг потенциальных партнеров для коалиции сужается (например, партии “Альтернатива для Германии” и “Левые” в Германии на двух последних выборах вместе завоевывали 22.5 и 16.6% мандатов соответственно), либо оказываются “неудобными партнерами” в коалиции. Только за последние годы формирование правительств затягивалось на длительный срок (или требовало повторных выборов) в Бельгии, Испании, Германии, Болгарии; впервые за долгое время коалиционное, а не однопартийное правительство возникло во Франции после выборов 2022 г. За те же годы распались коалиции в Италии, Австрии, Чешской Республике, той же Болгарии. Очевидно (хотя и требует отдельного рассмотрения), что стабильность кабинетов и политических коалиций, на которые они опираются, – весьма важный параметр как эффективности государственного управления, так и качества демократии.

Относительно будущего процесса фрагментации точный прогноз дать затруднительно. Как представляется, обратного тренда – дефрагментации партийных систем – в обозримой перспективе ждать не придется: усложнение системы значимых размежеваний необратимо, она может оставаться столь же дробной или усложниться еще больше. Социально-экономическое самочувствие населения европейских стран также вряд ли в ближайшем будущем улучшится: последствия пандемии, высокая инфляция, подорожание продовольствия и энергоресурсов – все это не позволит повысить жизненный уровень, а потому будет поддерживать скептические к политической элите отношения. А, это в свою очередь, практически гарантирует сохранность электоральной базы популистских партий. Волатильность среди малых партий “второго эшелона” каждой партийной системы высока сейчас и, очевидно, такой же и останется, но на показатель ЭЧПП это будет оказывать достаточно слабое влияние. Главное же, однако, состоит не в том, остановится ли процесс фрагментации на нынешнем уровне или пойдет дальше, а в том, насколько политические элиты европейских стран смогут воспользоваться преимуществами такой конфигурации партийных систем и справиться с порождаемыми ею проблемами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Lipset S.M., Rokkan S. *Party systems and voter alignments: Cross-national perspectives*. New York, Toronto, The Free Press, 1967. 554 p.
2. Lijphart A. *Patterns of democracy: Government forms and performance in thirty-six countries*. New Heaven, Yale University Press, 1999. 351 p.
3. Taagapera R., Grofman B. Rethinking Duverger’s Law: Predicting the Effective Number of Parties in Plurality and PR Systems – Parties Minus Issues Equals One. *European Journal of Political Research*, 1985, vol. 13, no. 4, pp. 341-352. Available at: <https://www.socsci.uci.edu/~bgrofman/42%20Grofman.%20Rethinking%20Duverger’s%20Law..pdf> (accessed 12.06.2022).
4. Laakso M., Taagepera R. “Effective” Number of Parties: A measure with Application to West Europe. *Comparative Political Studies*, 1979, vol. 12, no. 1, pp. 3-27. DOI: 10.1177/001041407901200101
5. Sartori G. *Parties and Party Systems. A Framework for Analysis*. Vol. 1. New York, Cambridge University Press, 1976. 368 p.
6. Blondel J. Party Systems and Patterns of Government in Western Democracies. *Canadian Journal of Political Science*, 1968, vol. 1, no. 2, pp. 180-203.
7. Макаренко Б. и др., ред. *Партии и партийные системы: современные тенденции развития*. Москва, РОССПЭН, 2015. 302 с.
Makarenko B. et al., eds. *Parties and party systems: current development trends*. Moscow, ROSSPEN, 2015. 302 p. (In Russ.)
8. Crozier M., Huntington S., Watanuki J. *The Crisis of Democracy*. New York, New York University Press, 1975. 221 p.
9. Hooghe L., Marks G. Cleavage theory meets Europe’s crises: Lipset, Rokkan, and the transnational cleavage. *Journal of European Public Policy*, 2018, vol. 25, iss. 1, pp. 109-135. DOI: 10.1080/13501763.2017.1310279/
10. Kitchelt H. Party Systems. *The Oxford Handbook of Comparative Politics*. Boix C., Stokes S., eds. Oxford, Oxford University Press, 2007, pp. 522-554.
11. Dalton J., Farrell D., McAllister I. *Political Parties & Democratic Linkage*. Oxford, Oxford University Press, 2011. 238 p.
12. Kitschelt H. The Formation of Party Cleavages in Post-Communist Democracies: Theoretical Propositions. *Party Politics*, 1995, vol. 1, no. 4, pp. 447-472. Available at: <http://rochelleterman.com/ComparativeExam/sites/default/files/Bibliography%20and%20Summaries/Kitschelt%201995.pdf> (accessed 12.06.2022).
13. Харпфер К. В. и др., ред. *Демократизация*. Москва, Изд-во ВШЭ, 2015. 708 с.
Harper K.V. et al., eds. *Democratization*. Moscow, HSE Publishing House, 2015. 708 p. (In Russ.)
14. Farrell D. *Electoral Systems: A Comparative Introduction*. London, Palgrave Macmillan, 2011. 279 p.

15. Kirchheimer O. The Transformation of the Western European Party Systems. *Political Parties and Political Development*. La Palombara J., Weiner M., eds. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1966. Ch. 6, pp. 177-200.
16. Maraval J. M. Elections and the challenge of more democracy. *Democracy in a Russian Mirror*. Przeworski A., ed. New York, Cambridge University Press, 2015, pp. 147-172.
17. Mudde C. The 2019 EU Elections: Moving the Center. *Journal of Democracy*, 2019, October, vol. 30, no. 4, pp. 20-34. DOI: 10.1353/jod.2019.0066
18. Mudde C. The Populist Zeitgeist. *Government and Opposition*, 2004, vol. 39, iss. 4, pp. 541-563. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x>
19. Макаренко Б. Популизм и политические институты: сравнительная перспектива. *Вестник общественного мнения*, январь–июнь 2017, № 1–2 (123), сс. 8–21.
Makarenko B. Populism and Political Institutions. A Comparative Perspective. *Vestnik Obshchestvennogo mneniya*, Jan-June 2017, no. 1–2 (123), pp. 8-21. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/populizm-i-politicheskie-instituty-sravnitel'naya-perspektiva/viewer> (accessed 12.06.2022).
20. Fagerholm A. The radical right and the radical left in contemporary Europe: two min–max definitions. *Journal of Contemporary European Studies*, 2018, vol. 26, iss. 4, pp. 411-424. DOI: 10.1080/14782804.2018.1515728
21. Fagerholm A. Radical right and radical left party ideologies: a pan-European mapping of necessary attributes, differences and similarities. *European Politics and Society*, 2018, vol. 19, iss. 5, pp. 540-55. DOI: 10.1080/23745118.2018.1474547
22. Marcos-Marne H. The Effects of Basic Human Values on Populist Voting. An Analysis of 13 European Democracies. *Political Behavior*, 13.02.2021. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11109-021-09689-8>
23. Meguid B. Competition between Unequals: The Role of Mainstream Party Strategy in Niche Party Success. *American Political Science Review*, 2005, vol. 99, no. 3. Available at: https://web.pdx.edu/~mev/PS475_FALL_19/Meguid_Niche%20Parties.pdf (accessed 12.06.2022).
24. Mounk Y. The week democracy died. *Slate*, 14.08.2016. Available at: http://www.slate.com/articles/news_and_politics/cover_story/2016/08/the_week_democracy_died_how_brexit_nice_turkey_and_trump_are_all_connected.html?via=gdpr-consent (accessed 12.06.2022).
25. Eiermann M., Mounk Y., Gultchin L. *European Populism: Trends, Threats and Future Prospects*. Tony Blair Institute for Global Change, 29.12.2017. Available at: <https://institute.global/insight/renewing-centre/european-populism-trends-threats-and-future-prospects> (accessed 12.06.2022).
26. Mudde C. *On Extremism and Democracy in Europe*. London, Routledge, 2016. 163 p. Available at: <https://doi.org/10.4324/9781315622170>
27. Бунин И. *Выборы Макрона или выбор Франции: французская политика в 2017–2018 гг.* Москва, Школа гражданского просвещения, 2018. 200 с.
Bunin I. *Elections of Macron or the Choice of France: French Politics in 2017–2018*. Moscow, School of Civic Education, 2018. 200 p. (In Russ.)
28. Siaroff A. *Comparative European Party Systems: An Analysis of Parliamentary Elections since 1945*. 2nd ed. London, Routledge, 2019. 568 p.